

Среди многочисленных сложных проблем, которые изучает современное языкознание, важное место занимает изучение лингвистических аспектов межкультурной речевой деятельности, которую называют «переводом» или «переводческой деятельностью» [4, с. 53]. В ежедневной работе для правильной передачи содержания, стилистической окраски, эмоциональных особенностей текста переводчику приходится сталкиваться с вопросом выбора способа перевода. Преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле, называются переводческими (межкультурными) трансформациями. Перевод с одного языка на другой невозможен без трансформаций. В рамках описания процесса перевода переводческие трансформации рассматриваются не в статическом плане как средство анализа отношений между единицами ИЯ и их словарными соответствиями, а в плане динамическом как способы перевода, которые может использовать переводчик при переводе различных оригиналов в тех случаях, когда словарное соответствие отсутствует или не может быть использовано по условиям контекста. В зависимости от характера единиц исходного языка (ИЯ), которые рассматриваются как исходные в операции преобразования, переводческие трансформации подразделяются на лексические и грамматические. Кроме того, существуют также комплексные лексико-грамматические трансформации, где преобразования либо затрагивают одновременно лексические и грамматические единицы оригинала, либо являются межуровневыми, т.е. осуществляют переход от лексических единиц к грамматическим и наоборот [7]. Данная статья посвящена анализу лексико-грамматических трансформаций, которые относятся к двум областям: к теории перевода и стилистике. Несмотря на то, что наука теории перевода, по сравнению с другими науками, является относительно молодой, существует уже много работ в этой области. Теоретической основой исследования в данной статье послужили классификации переводческих трансформаций, предложенные известными лингвистами: Л.С. Бархударовым, В.Н. Комиссаровым и Я.И. Рецкером. В.Н. Комиссаров и Я.И. Рецкер классифицируют переводческие трансформации на лексические и грамматические трансформации. Грамматические трансформации, как считает Я.И. Рецкер, заключаются в преобразовании структуры предложения в процессе перевода в соответствии с нормами языка перевода. [8]. Трансформация может быть полной или частичной. Обычно когда заменяются главные члены предложения происходит полная трансформация, если же заменяются лишь второстепенные члены предложения, происходит частичная трансформация. В.Н. Комиссаров также выделяет такой тип переводческих трансформаций - это смешанный тип или как он называет «комплексные лексико-грамматические трансформации» [4]. К ним относим: антонимический перевод, экспликацию и компенсацию. По мнению выше указанных ученых, основная задача переводчика при достижении адекватности

- умело произвести необходимые переводческие трансформации, для того, чтобы текст перевода как можно более точно передал всю информацию, заключённую в тексте оригинала при соблюдении соответствующих норм переводящего языка. В данных работах немало внимания уделяется вопросу трансформаций при переводе. В данной статье типы лексико-грамматических трансформаций рассматриваются на примере перевода с татарского на русский язык и наоборот. Основные типы лексико-грамматических трансформаций следующие: антонимический перевод, экспликация, компенсация.

Антонимический перевод - это лексико-грамматическая трансформация, при которой замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную форму в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную, сопровождается заменой лексической единицы ИЯ на единицу языка перевода (ПЯ) с противоположным значением. В рамках антонимического перевода единица ИЯ может заменяться не только прямо противоположной единицей ПЯ, но и другими словами и сочетаниями, выражающими противоположную мысль. Применение антонимического перевода нередко сочетается с использованием иных трансформаций (лексических или грамматических). Для переводчика очень важно умение применить прием антонимического перевода, когда в языке оригинала идентичного соответствия не существует, а также из стилистических соображений, когда к описательному методу не стоит прибегать, так как данный метод не полностью раскроет содержание и информацию, которая была заложена в тексте оригинала. В татарско-русских и русско-татарских переводах эта трансформация применяется не очень часто. Приведем примеры из произведения К.Симонова «Живые и мертвые»: 1. Они были заняты надвигавшейся на них разлукой, не думая об окружающих, пытались смягчить эту разлуку привычными словами того мирного времени, которое уже три дня как перестало существовать [8, с.11]. Слово сочетание «не думая» переведено на татарский единицей «онытып» (забыв). Алар әйләнә-тирәдәге кешеләрне дә онытып, бергә булган соңгы мизгелләрен кичерәләр, өч көн элек чөлпәрәмә килгән тыныч чакның күнегелгән сүzlәрен әйтә-әйтә аерылышу хәсрәтен йомшартырга тырышалар иде [10, с.14]. 2. Когда его выпустили, так же неожиданно, как посадили, он вышел постаревшим и физически измотанным, но душа его не была изборождена морщинами старости и неверия [9, с.81]. Предложение текста-оригинала «Когда его выпустили, так же неожиданно, как посадили» переводится обратной конструкцией «Аны ничек утыртсалар, шундый ук тизлек белән чыгардылар да». Аны ничек утыртсалар, шундый ук тизлек белән чыгардылар да. Ул аннан картаеп, физик яктан тәмам сызып, бетеп чыкса да, жанында картлык һәм өметсезлекнең бер генә жыерчыгы да юк иде [10, с.115]. 3. Другой - высокий, красивый человек лет сорока, с орлиным носом и видневшейся из-под пилотки благородной сединой, придававшей значительность его моложавому, чистому, без морщин лицу ... [9, с.107]. «Без

морщин» передается словосочетанием «шома йөзле». Икенчесе кырык яшь чамасындагы озын буйлы, бөркет томшыгыдай борынлы, бик нәфис шома йөзле бер кеше булып, пилотка астыннан күренеп торган көмеш чәчләре аның мәһабәтлеген тагы да арттыра төшә ... [10, с.152]. В рамках антонимического перевода единица ИЯ может заменяться не только прямо противоположной единицей ПЯ, но и другими словами и сочетаниями, выражающими противоположную мысль. Экспликация или описательный перевод - лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица ИЯ заменяется словосочетанием, объясняющим ее значение. Например, абыстай - супруга духовного лица; чужестранец - чит ил кешесе. С помощью экспликации можно передать значение любого безэквивалентного слова в оригинале: калфак - женский головной убор; хаж - паломничество в Мекку; имам - духовный наставник; уфалла арбасы - ручная тележка и мн. др. Недостатком описательного перевода является его громоздкость и многословность. Поэтому наиболее успешно этот способ перевода применяется в тех случаях, где можно обойтись сравнительно кратким объяснением. Когда ни один из словесных приемов подбора соответствия не удовлетворяет ситуации, переводчики прибегают к описанию. Описательный перевод, как правило, употребляется параллельно с транскрипцией и применяется при переводе терминов, культоронимов, уникальных объектов, слов, имеющих разный объем значения и т.п. К словам, имеющим разный объём значения в татарском и русском языках, относится группа слов, в которую входит огромное количество самых разнообразных слов: интернациональные слова, некоторые глаголы восприятия, ощущения и умственной деятельности и аналитические глаголы. В качестве примеров можно перечислить следующие словосочетания: кургаш ялтыравыгы (минерал) - галенит; эшләтә башлау - ввод (технич.); вулканик пыяла - обсидиан; яшь чыганак - ювентальный источник и мн. др. Описательный перевод часто применяется и в художественных текстах. Приведем пример из произведения К. Симонова «Живые и мертвые»: Только на рассвете, поставив машину в другом лесу, где почти под каждым деревом стояли грузовики, а люди рыли щели и окопы, Синцов наконец добрался до начальства [9, с. 16]. «Щель» из оригинала описывается в ПЯ как «кереп сыенырлык ярыклар» (щели, куда можно войти и поместиться). Это явление экспликации очень выгодно использовано переводчиком Т.Нурмухаметовым. Таң атып килгәндә машинаны икенче урманга урнаштырдылар. Монда һәр агач төбө саен диярлек машина тора, кешеләр окоплар, кереп сыенырлык ярыклар казылар иде. Шушында Синцовка, ниһаять, начальство белән очрашырга язды" [10, с. 22]. Описательным переводом пользуются в комментариях к тексту и сносках. Компенсация - это способ перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе единицы ИЯ в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале. Таким

образом, восполняется («компенсируется») утраченный смысл, и, в целом, содержание оригинала воспроизводится с большей полнотой. При этом нередко грамматические средства оригинала заменяются лексическими и наоборот. Герой романа М. Магдеева «Фронтовики» Рушат следующим образом описывает состояние кормящей матери, чей ребенок на руках у своей бабушки ждет не дождется за дверь экзаменационной аудитории, когда же выйдет, наконец, мама-фронтовичка и покормит его: Аудитория ишек төбендә яшь бала тоткан бер әби тора иде, күрәсең, баланы имезер вакыт җиткән, ә әнисе схема да сыза алмый утыра. Ah, бу бала белсә иде әнисенәң хәзер нинди кыен минутлар кичергәнән... [6, с.5]. В первой части текста-оригинала используется отрицательная форма категории возможности/невозможности татарского глагола (сыза алмый утыра), что может быть объяснено в пользу мамы-фронтовички, т.е. по какой-то причине она не может начертить схему. В ПЯ прямой перевод на русский язык «сидит и не может начертить» использовалось бы не в пользу матери-абитуриентки университета. Переводчик использует в ПЯ синонимы (мучается, не в силах), которые «защищают» маму-фронтовичку. Во второй части прямой перевод выглядел бы так: «Эх, если бы этот ребенок знал, какие трудные минуты переживает сейчас его мама...» Переводчик компенсирует словосочетаниями «когда-нибудь оценил бы ... какими трудами доставалось ... ее образование». За дверь аудитории Рушат увидел старуху с грудным ребенком на руках. Видно, пришло время кормить малыша, а мать сидит там, мучается, не в силах начертить схему. Эх, если бы этот ребенок узнал и когда-нибудь оценил, какими трудами доставалось матери ее образование...[5, с. 9] Еще пример из этого произведения: Ул караватыннан торды. Ни радио, ни термометр юк. Барыр урын юк. Ниндидер авырлык, бушлык ... [6, с. 17]. Отсутствие радио, термометра переводчиком пропускается. Утраченный элемент смысла компенсируется «появлением» частиц ну ... не ... ли, отвлеченных понятий «дикость», «бессмыслица», словосочетания «неподходящее время», слова «буран». Все эти элементы помогают понять нелепое психическое состояние главного героя и зарождение «бури» в его душе. Он встал с кровати. Идти некуда. Какая-то тяжесть, пустота. Ну не дикость ли в такое неподходящее время - буран? Бессмыслица... [5, с. 15]. Приведем несколько примеров из произведения К. Симонова «Живые и мертвые»: 1. ... уже вчера в сводке было Гродненское направление и пора, наконец, трезво смотреть на вещи [9, с.10]. «В сводке» компенсируется фразеологизмом «телгә алдылар». Гродно тирәсен кичә үк телгә алдылар, сиңа мәсьләгә аек карарга вакыт инде [10, с. 11]. 2. За ночь в старой могиловской типографии с грехом пополам сверстали и выпустили очередной номер фронтовой газеты [9, с. 29]. Глагол «сверстали» текста-оригинала компенсируется в ПЯ словосочетанием «наборларны биткә салып». «Сверстать», «верстать» на татарский язык передается словосочетанием «биткә салу». Фразеологизм «с грехом пополам» переводится как «илле алла, биш

мулла ярдәме белән дигәндәй». Могилевның иске типографиясендә, илле алла, биш мулла ярдәме белән дигәндәй, кич буе наборларны биткә салып фронт газетасының чираттагы номерын бастылар» [10, с. 41]. 3. «Нет, все еще не так плохо», - сквозь усталость и боль подумал Синцов, сам не вполне отдавая себе отчет в том, что уверенность эта у него не столько от вида войск, занимавших позиции перед Могилевом, или зрелища барражирующих над городом МИГов ... [9, с. 50]. Из-за отсутствия прямого эквивалента в татарском языке слова «барражирующих», в ПЯ используется словосочетание «ялт та йолт». Юл мәшәкәтләреннән арган булса да, һәм янтыгы авыртып торса да: “Юк, хәлләр алай ук мәшкәл түгел икән”, - дип уйлап куйды Синцов. Аның бу тойгылары Могилев алды позицияләрендәге гаскәрләргә, янә дә шәһәр өстендә тамаша ясагандай ялт та йолт очкан МИГларны күрүдән дә түгел ... [10, с. 71]. Приведем пример из произведения А.Гилязова «Өч аршын җир»: 1. ... һаман бетмәс балык башы - Карачура! Күпме чәйнәргә мөмкин шул бер үк чүбекне? [2, с. 320]. В первой части автор использует фразеологизм «балык башы» (дословно: рыба голова), который обозначает уже надоевшее, переводчик же компенсирует с определенно-личным предложением, включая частицу «только». Во второй части используется также фразеологизм «чүбек чәйнәү» (дословно: жевать мусор, отходы), который означает говорить пустое, незначительное. Переводчик использует разговорно-пренебрежительный фразеологизм ПЯ (жевать жвачку) добавляя словосочетание «одну и ту же», хотя «жевать жвачку» означает и так повторять одно и то же. Только одно знает - подавай ей Карачурово! Сколько можно жевать одну и ту же жвачку? [3, с. 20]. 2. Аның ярты арба печәнне өч җәпле агач сәнәк белән элдәрәп алып, күз дә йоммыйча, биек кибән очына чөйләрен күрсәң... [2, с. 338]. Форма первого лица единственного числа передается формой первого лица множественного числа, фразеологизм «күз дә йоммыйча» переводится как «шутя»: Посмотрели бы вы, как он подхватил вилами - тройчатками полвоза сена и шутя забрасывал на высокую скирду. [3, с. 36]. 3. Мирвәли, зифа буен бәйрәмчә туп-туры тотып, горур башын югары күтәрәп, балчык түбәле тәбәнәк йортлар арасына кереп югалды... [2, с. 362]. Мирвали высоко вскинул гордую голову в переулке среди приземистых домиков... [3, с. 56]. При переводе данного предложения И.Гиззатуллин укорачивает его и делает более простым для восприятия. К сожалению упускаются некоторые моменты: выражения «зифа буен бәйрәмчә туп-туры тотып», «балчык түбәле» в русском варианте текста не находят места. Как видно из примеров, компенсация используется особенно часто там, где необходимо передать чисто внутрилингвистические значения, характеризующие те или иные языковые особенности подлинника - диалектальную окраску, неправильность или индивидуальные особенности речи, фразеологизмы, каламбуры, игру слов и пр., а также когда не всегда можно найти прямое и непосредственное соответствие той или иной единице ИЯ в системе ПЯ. Таким

образом, в данной статье попытались систематизировать знания о лексико-грамматических трансформациях. На приведённых примерах можно лишь представить, насколько разнообразны возможности и варианты преобразования и передачи смысла и образов с одного языка на другой. С уверенностью можно сказать, что во всех случаях в языке перевода подыскивается какое-либо средство, передающее утраченный элемент содержания оригинала. Итак, для достижения «адекватности перевода», переводчик использует трансформации «с тем, чтобы текст перевода с максимально возможной полнотой передавал всю информацию, заключенную в исходном тексте, при строгом соблюдении норм ПЯ» [1, с. 190]. Использование переводческих трансформаций, в первую очередь, определяется необходимостью передачи исходного содержания, выражения мысли оригинала. Переводчик никоим образом не должен стремиться сохранить оригинал. Достижение адекватности в переводе связано с умением грамотно идентифицировать переводческую проблему и осуществлять необходимые переводческие трансформации. Трансформации нужны, чтобы соблюсти «правильность» языковых норм, чтобы речь переводчика воспринималась как «грамотная речь».